

ТОЧКА ЦЗЕ

Саша был не самым броским парнем двадцати одного года от роду. Говоря с ещё большей определённой, он имел наружность малость отталкивающую — мелкое злое личико, покрытое припозднившимися, но по-юношески крупными прыщами. Речь у него была сбивчивая и невнятная. Любая одежда сидела криво и неприятно.

Успехом у дам Саша не пользовался.

Дальше — пунктиром. Саша выручает старого китайца у ларька. Дарит его червонцем. Растроганный китаец открывает Саше фамильный секрет — показывает точку Цзе, расположенную на два цуня позади левого уха. Короткое нажатие на точку Цзе вызывает у человека, подвергшегося процедуре, непреодолимое половое влечение к надавливателю.

Саша всё правильно понимает. Для начала пробует метод на младшей сестре и с трудом отбивается от неё, убегая ночевать к приятелю. Закрывая ладошкой изодранную ширинку.

Всё идёт как по маслу. Саша теперь неотразим. Он кидает себе под ноги томных красавиц из престижных клубов. Валит в койку целые модельные агентства, выстраивая очередь по алфавиту. Точка Цзе работает безотказно.

Сашина карьера взлетает в небеса. Перед ним открыты любые двери. Он расширяет свой огород за счёт особей одного с ним пола. Это оказывается ещё более выгодным делом. Сашино имя начинает греметь на эстраде, в мире высокой моды, на телеэкранах. Саша швыряется деньгами. За ним ползает преданная американская миллиардерша.

Но, как не избито прозвучит сия сентенция, пресыщенному Саше становится всё скучнее и скучнее эта сверкающая поебень.

Саша привычными движениями находит точку Цзе за своим собственным ухом и...

Счастье оказывается ближе, чем он мог себе представить.

МАРС

Недавно открыта галактика, находящаяся всего в 55 тыс. световых лет от нас. Её назвали «Сникерс».

«Вестник астрономии»

На суперсовременном заводе, напичканном полностью автоматизированным оборудованием, происходит маленький сбой. Микроскопическое количество ароматизатора Е-147 попадает в резервуар с усилителем вкуса трикарбондинитрофосфотолуолом. Возникает небольшая реакция, и новое вещество оказывается в составе начинки шоколадных батончиков «МАРС». Не больше двухсот батончиков, содержащих новый ингредиент, быстро распродаются в петербургских ларьках.

Люди, купившие и съевшие питательные батончики, как будто впервые вглядываются в название, крупно выведенное на упаковке. Новый химикат поступает в желудки покупателей, а затем и в их мозги, начиная сложное взаимодействие с медиаторами нервных реакций.

Шестиклассник Лёша Голимов приходит домой и набрасывает на обложке дневника схему антипротон-гелий-S-капсульного ракетного двигателя. Через полторы минуты после того, как схема завершена, он идёт к двери и открывает её перед двумя ничем не примечательными мужчинами в старых пиджаках. Мужчины — инженеры с завода «Светлана». Они только что, в обеденный перерыв, съели по батончику «МАРС», взглянули на этикетку и поняли, куда и зачем им идти дальше.

Инженеры собирают двигатель за ночь. Из двухкассетника «Шарп» и двадцати телевизоров «Радуга»...

Между всеми, кто съел бракованные батончики в этот день, устанавливается прямая ментальная связь. Они действуют как единый организм.

Бабушка Лиза затаскивает в почти покрывшуюся обшивкой капсулу несколько десятков скафандров, сшитых ею из конфиската.

Производятся сверхпрочные дикерамидные сплавы. Обрабатывает всяческой начинкой бортовой компьютер. Все работают молча. Без сна. Без еды.

Через восемнадцать дней капсула, внутри которой корчатся от перегрузок двести колонистов, входит в атмосферу красной планеты.

Все улыбаются. Скоро они будут дома. Марс ждёт их.

СВЯТОТАТСТВО

Паша едет в Израиль навестить друга. Прогуливается по Иерусалиму. Любуется на древности. Прикасается к священным камням. Запихивает записку в Стену Плача. Взбирается по Via Dolorosa. Бродит по окрестностям Голгофы. В качестве сувенира набирает в полиэтиленовый пакетик горсть святой земли.

Возвращается в Питер. На досуге высыпает голгофскую почву на журнальный столик. Обращает внимание на комочек какой-то смолы, из которой торчат тонкие лапки, напоминающие комариные. Вручает находку приятелю-биологу Васе.

Тот аккуратно извлекает насекомое из смолы. Это обычный комар. У него набитое кровью брюшко и абсолютно сохраннный вид. Ради прикола и из любви к творчеству проводит радиоуглеродный анализ. Возраст находки неожиданно почтенный — примерно две тысячи лет.

Шутка разрастается. Друзья ради хорошего развлечения не жалеют ни денег, ни связей, ни профессиональной квалификации. Исследуют находку под электронным микроскопом. Берут образцы крови из брюшка. Кровь выглядит совершенно свежей. Анализы говорят о том же.

Васин папа, врач, занимающийся медицинской генетикой и проблемами женского бесплодия, обращается к своим коллегам — специалистам по клонированию. Жизнеспособные клетки в наличии.

Экспериментальная шутка продолжает набирать обороты.

Доброволец — студентка Маша. Муж — краснодеревщик.

Оплодотворение соматической клеткой проходит на ура. Беременность протекает без осложнений. Роды — нормальные. Ребёнок — 3550. Мальчик.

Ночью в палату для новорожденных института им. Отта приходят седые усталые мужчины. Теснят в сторону дежурную медсестру.

Говорят, что они — волхвы.

ПОМОРОКА

Николай не первый год женат. Дом, дача, жена, работа и жизнь в целом — всё опротивело. Причём — взаимно. Он слышал об удивительной бабе Нюре, которая правит заговорами поломатые жизни.

Николай приезжает в маленький домик на окраине города. Толстая баба Нюра, с трудом переставляя отёчные ноги, встречает его в дверях. Усаживает на кровать, покрытую слоями жёлтых кружевных салфеток. Выслушивает горести гостя, понимая пожёвывая беззубым ртом. Кряхтя, достаёт захватанный листок бумаги. Говорит, чтобы Николай «обзнакомился с прайсом». Николай вчитывается в бабкины каракули: снятие венца безбрачия, заговоры от болячек, от сглаза, на богатство... Привораживание, отворот... Поморока... Рядом проставлена цена.

— Ну, всё более-менее понятно, — говорит Николай. — Вот, только — поморока? Это что такое?

— Милай! А что такое заговор-то обычный — ты в курсе?! На помороку-то никто пока не жаловался. Цена устраивает, золотко? Если сразу несколько услух — дешевле выйдет...

Николай задумывается.

— Значит, так: на богатство, приворот, от сглаза... ну... и давайте помороку вашу попробуем.

Баба Нюра зажигает толстую свечу, накидывает на голову огромный цветастый платок и начинает быстро шептать:

— Бес-бес-крой-до-небес-божья-то-сила-не-сведёт-в-могилу-заячья-нора-да-свечная-кожура-сердцестонетктоеготронет...

Бормочет всё быстрее и быстрее. Николай закрывает глаза. У него сильно кружится голова и ноет желудок. Всё плывёт. Губы покалывает иголочками.

Баба Нюра внезапно замолкает. Вытягивает из-под вороха юбок полную нечистую ладошку. На ладошке — горсть подсолнечных семечек.

— Значить... приедешь до дому, съешь восемь штук. Оне вкусные, не бойся. На крайность — десяток. Через недельку — ишо столько же... Давай, милай — счастья тебе!

Николай добирается домой на электричке. Его мутит. Дома включает телевизор. Достает семечки. Увлечённый Затевахиным с его рыбалкой, съедает всё, что было, подчистую.

Приходит жена. Не снимая пальто, бросается на Николая, к которому не прикасалась месяца три и надеялась, что этого вообще больше не случится.

Они валяются на кровать, срывая с себя шмотки. Вокруг всё грохочет и падает. Рыбки в аквариуме прижимаются ко дну.

Пахнет мускусом и потом. Мокрые простыни. Николай с женой, вцепившись друг в друга всеми конечностями, остервенело катаются по кровати.

Чудовищный оргазм настигает Николая через пару часов, нарастает, ширится и продолжается целую вечность.

Николай отваливается от взмыленной супруги.

Обширное кровоизлияние в мозг убивает Николая во сне ближе к утру.

В маленьком домике на окраине города сидит за вязанием баба Нюра. Шепчет беззубым ртом, привычно рассуждая сама с собой:

— Редко кто нонче помороку заказывает. Больно слабы стали...

ЛЮДИ ЧЁРНЫЕ

Женя — контрактник. Служит в Чечне уже третий год. Война ему нравится. Ещё больше Жене нравится кавказский климат, сильно отличающийся от родного — якутского. Женя нюхал порох — он уже горел и взрывался, бегал под перекрёстным огнём и зарывался в почву; воевать для него — не то чтобы уютно, но — привычно.

Со своими бойцами он едет на УАЗе в сторону селения Хал-Киллой. На горизонте — красивая и надёжная вершина Дайхох. Увешанные оружием, боеприпасами и съестным, солдаты ласково погромыхивают на резких виражах, стучаясь друг об друга касками и котелками.

Дорога поворачивает и углубляется в густой орешник. УАЗик сбрасывает скорость и осторожно пробирается по размытой затяжными ливнями просеке. Яркая вспышка застаёт бойцов врасплох. Резкий запах озона, затем — сухой громкий треск, и — чёрный маслянистый дым от разгорающихся покрышек. Крики солдат, передёргивающих затворы автоматов.

Затемнение.

Женя приходит в себя, натренированным рывком вырываясь из небытия. Вскакивает на ноги и с размаху бьётся головой о низкий потолок. Шарит руками по стенам — в темноте ничего не разобрать. Руки судорожно хватаются за сырую штукатурку, обломки полусгнивших досок. Упираются в массивную дверь, плотно вбитую в проём и покоящуюся на огромных ржавых петлях. «Всё! Кайки! Взяли, суки! Взяли, как барашка к празднику», — суется трескучие мысли в Жениной разбитой голове. «Теперь — только сесть поудобнее и ждать, чем дело кончится...»

Через пару часов дверь резко распахивается, и в комнатку входят трое — здоровенные бородатые чеченцы. Один, правда, в очках с золотой оправой. Загорается лампа дневного света, наспех прикуроченная к стене. Вволакивают с собой стулья. «Началось...»

Чеченцы настроены строго, но не кровожадно. Хотят выкуп. «А нэ будэт, блят, дэнежек — я сам тэбя, блят, нажом рэзать

долго-больно буду...» По Жениным понятиям, выкуп большой, но адекватный. Всё как обычно — пиши, говорят, своим. Если хочешь — звони. Неделя сроку.

Женя аккуратно матерится в ответ. Бородачи его спокойно бьют — без эмоций, неторопливо. Женя сплёвывает тягучую кровь и шепчет, что деньги, наверное, достанет. Ему протягивают телефон. Сразу после звонка в часть и домой перевозят в другое место.

Начинается томительное ожидание. Женя от скуки слушает разговоры своих бородачей. Через некоторое время он втыкает, что это — никакие не чеченцы. А после нескольких дней наблюдений в щёлочку понимает, что они — даже не люди. Просто грим, хороший, умелый грим. В псевдочеченцах вообще ничего человеческого — ноздреватая ярко-розовая кожа, шевелящиеся отростки под нижней губой... Вместо носа — какая-то срань...

По ужасу, мелькающему в Жениных глазах, а может, прямо по его мыслям твари понимают, что мистификация раскрыта. Объясняют всё просто и как есть. Мол, совершали тривиальный патрульный рейд над проблемной планетой, рухнули в горах из-за пустякового дефекта двигателя. Для починки нужно-то всего триста граммов иридия — но он, непонятно почему, дорогой здесь, сука! Решили отработать местную специфику — как в учебке ихней инструктировали. Женя не должен был ни о чём догадаться — ну и что теперь с ним делать?

Женины деньги они, тем не менее, получают. Долго ковыряются в своей космической шляпке. Наконец, судя по суете — всё готово к отлёту. Женю тащат по заросшему высоченной травой откосу к тарелке. «На убой, — смекает Женя, — на мясо свежее в дорогу...»

Он с воем вцепляется зубами в верхнюю конечность конвоира. В то, что похоже на локоть. Хватка слабеет и Женя из последних сил рвёт в перелесок. Бежит долго и упоённо.

В родной части Жене никто не верит. Да он и не настаивает. За такие дела... Женя не идиот.

СКАЗКИ

Сене, как ведущему специалисту по восточно-карельскому фольклору, дают грант. Не то чтобы огромный, но и не маленький. Сеня покупает себе отличную зимнюю куртку, ботинки «Экко», кое-что в «Икее». Бухает с друзьями. Через неделю новой жизни денег ещё навалом. Наконец Сеня осваивается с новым мироощущением и решает, что пора бы и науку продвигать. Быстро собирается, дрожащими с похмелья руками запиная шмотки в рюкзак. Покупает билет на поезд и отправляется собирать материал.

Купе, кабина «КАМАЗа», кабина «УАЗа», коляска мотоцикла «Ява». Дальше — пешком. Долгие расспросы обстоятельных карелов, в которых решающим аргументом выступает недорогая, пахучая водка. Информация такова: на неблизком хуторе «Сая Варока» проживает старый колдун. Сильно старый — никто не знает, как давно он здесь поселился, но древние замшелые бабки помнят его уже таким.

Сеня стучится в низенькую дверь большого дома, сложенного из толстых брёвен. Диктофон в одной руке, бутылка водки — в другой. Стратегия привычная и многократно проверенная. В доме темень. Полкомнаты занимает чудовищный стол, похожий на окаменевшего диплодока. За столом сидит высокий, очень худой дед. Седые длинные волосы. Чисто выбрит. В коричневой коре лица жутковато поблёскивают белые острые глазки. Старик оскаливается жёлтыми прокуренными зубами:

— Из Питера, парень? Сказки слушать сподобился? Садись, дитятко, покажу тебе кой-чего, раз уж приехал... Рыбку будешь?

Сеня боком приземляется на лавку, попутно отмечая, что габариты деда раза в два превышают его собственные. Тоже небольшие. Выставляет пузырь на видное место.

— Ну, чего застрял — открывай. И бздехалку свою включай, записывай.

Сеня разливает водку под пристальным взглядом деда. Выпивают сосредоточенно.

— Так что там тебе про меня напиздели? Колдун? Людожор? — скалится дед.

— Не...

— А ты и поверил? Ладно, лей ещё и слухай...

Сеня снова берётся за бутыль.

— Кащей меня зовут. Слыхал про Кащея? Эт я и есть.

— Бессмертный? — с максимальной серьёзностью выговаривает Сеня.

— А ты другого знаешь, парень?!

— А по бабушке как вас величать? — вопрошает Сеня, уже понимая, что нарвался на порожняк.

— Ткнись, вошь!!! — старик бьёт по столу гигантским кулаком — Шутить хочешь со мной, геолог вшивый?!!

— Я...

— Ткнись! Я тебе сказки не рассказывать — показывать буду...

Сеня уже пятый год считается самым тихим пациентом психиатрической клиники военно-медицинской академии. Юное испуганное лицо, снежно-белые волосы, ищущий, кроткий взгляд. Говорит он мало. В общем-то — ничего не говорит.

ПЕРЕХОД

С некоторых пор Костик замечает, что у него всё получается. Подозрительно как-то удаётся. Друзья, работа, деньги. И всего этого — больше чем надо. Костик работает сантехником. Он — предприниматель без образования юридического лица. Да и просто — без образования. Но в последнее время всё закрутилось. Костик вдруг втыкает, о чём поют на MTV. Все эти рэпы и дабы, арэнби и прочее — по-английски, испански, немецки, японски — стали абсолютно понятны. Странности на этом не кончаются. Костик летает во сне. Просыпаясь — к ужасу своему, продолжает летать. Ударяясь головой о чехословацкую стенку...

Дальше — мерзкое чувство, что он подслушивает мысли жены. Сбивчивые, но до неприличия простые и добрые мысли. И ещё эта история с аварией в бойлерной... Он спокойно стоял по пояс в крутом кипятке. Ребята пристают до сих пор. Костик не знает, что отвечать. Он быстро теряет интерес к своим патрубкам и вентилям. Денег — до хуя. На днях нашёл прямо в постели чемодан с купюрами — миллиона четыре долларов. Тайком протащил мимо супруги — чтоб не сошла с ума. Ей и так нехорошо оттого, что он завязал с едой. Да! Все эти толпы в подъезде и вокруг дома — они непрерывно молятся и плачут. Столько узкоглазых он в жизни не видел! Участковый сказал, что они монголы — хрен их разберёт... И все — без регистрации. Костика тошнит от обожающих взглядов. Ему хочется сказать им что-нибудь обнадеживающее, а главное, он знает — что. С монгольским, тибетским и бурятским — тоже никаких проблем. Как и с тем, что лохи называют передачей мыслей. Проблема одна — они не просекут. Всё слишком просто, чтобы расчухать с ходу. Не по-людски просто.

Они серьёзно решили, будто он — Будда Майтрейя. А если и так — что с того?!! Почему колбаснуло именно его? Водка больше не помогает. Вчера вернулась умершая полгода назад баба Маша... Привет Стивену Кингу. Сегодня утром, для пробы, Костик соорудил небольшое счастливое человечество в ящике секретера. К вечеру — у них — та же байда и склоки, как у больших. Пора делать ноги. Это уже слишком...

Костик скрипит зубами и точно знает, что всё это — только начало.

ВРАЩАТЕЛЬ КОЛЕСА

Начало шестидесятых. Семён молча появляется на свет, красный от натуги и недовольства резкой сменой обстановки. Толстый младенец в окружении восторженных родственников. Папа Семёна — известный журналист-международник. Номенклатурный дом в центре Москвы. Немного формальные поздравления от членов правительства. Через некоторое время журналиста посылают в Индию. Папа — не простой глашатай социализма и проводник ленинских идей. Он серьёзно интересуется философией и практикой буддизма.

Семёну уже год. Это нормальный крепкий бутуз с торчащими во все стороны волосами, голубыми глазами и ослепительной улыбкой. Весь в ямочках. Крупненький.

Сверхзанятый отец редко видит сына. В один из своих нечастых заездов в Дели, играя с ребёнком, он внимательно вглядывается в него, вертит так и сяк, ощупывает. Что-то считает, загибая пальцы, с недоверчивым хмыканьем крутит головой. Бросается в библиотеку, где у него собраны редчайшие палийские манускрипты.

С этого дня международник очень пристально следит за развитием сына. Не посвящая никого из родных в свои догадки. Он почти уверен, что обнаружил в своём ребёнке тридцать два телесных признака, присущих Будде и Чакравартину — «Вращателю Колеса Вселенной».

Семён растёт и, действительно, всё более заметно отличается от простых людей: здоровенный и дородный, он сильно опережает посольских детишек-сверстников в умственных способностях; у него странное возвышение на макушке и, что ещё более странно — сорок молочных зубов. Это не считая кучи других — мелких и загадочных отклонений. Индийские врачи разводят руками и мямлят, что «надо наблюдать».

Семья возвращается в Москву. Семён учится в школе — не особенно хорошо и не слишком плохо. Его — толстого, белого и огромного — почему-то не дразнят одноклассники. Почти все они очарованы звуком его голоса. Почти все ходят за ним по

пятам. Пытаются прикоснуться. Стараются сделать ему что-нибудь приятное. Всё, чтобы Семён заметил. Улыбнулся. Посмотрел своим невероятным взглядом...

Мало, что известно о дальнейшей жизни Семёна. Кажется, он учился в МГИМО. Вроде бы сотрудничал с «органами». Похоже, что сделал там, «в органах», головокружительную карьеру. Много ездил по всему миру.

Говорят, Семён Витальевич гладко вошёл в российский капитализм. Кое-кто утверждает, что он контролирует половину российских банков и крепко взял за клубни нефтегазовых магнатов. Что он сказочно, неимоверно богат. Что накоротке знает президентов и дружит с королями. Что они с придыханием говорят о «своём могущественном друге и наставнике».

Трудно сказать, где Семён Витальевич сейчас и кого он награждает сороказубой улыбкой и взглядом сапфировых глаз.

Спросите у далай-ламы. Чакравартин ему благоволит.

МУРАВЕЙНИК

Инженер Стас, квалифицированный специалист по турбинным лопаткам для гидроэлектростанций, имеет необычное хобби. Он коллекционирует муравейники. По роду своей деятельности Стас мотается по всему свету, консультируя, ругаясь со строителями, матеря тупых местных инженеров на различных наречиях, грозясь наводнениями и размывами, срывами сроков и прочими казнями. И отовсюду привозит в свою питерскую хатку тамошних заморских муравьёв. Из оргстекла, песочка, трубок и других подручных средств Стас сооружает изящные небольшие жилища для любимых насекомых.

В этот раз всё идёт как обычно. Стас возвращается из Бонливи. Везёт в баночке с грунтом матку с рабочими муравьями. Матка хороша. Мечет яйца, как из пулемёта. Стас привычно изготавливает добротный муравейник и несколько дней наблюдает за суетливой жизнью новых любимцев, снующих по

прозрачным трубочкам за следующей порцией сиропа или с очередным грузом яиц.

Внезапно муравьи покидают насиженное место. Исчезают бесследно, воспользовавшись мелким дефектом конструкции.

Через пару недель Стас обнаруживает, что муравейник обосновался в его компьютере. В непосредственной близости от процессора расположилась матка. Яйца — между микросхемами. Всё опрятно, тепло и удобно.

Стас снова переселяет хлопотных муравьёв. Через два дня те, в полном составе, дезертируют в неизвестном направлении.

Прекрасным солнечным воскресным утром на Стаса, дремлющего с телевизионным пультом в руках, наваливается огромная неоформленная куча. Она рассыпается на отдельных солдат, которые, бодро работая жвалами, облепляют его целиком, лезут в уши, ноздри и в глаза...

Через месяц из подъезда выходит существо, сильно смахивающее на Стаса. Оно движется медленно и неуверенно, вяло переставляя ноги. Если внимательно присмотреться, можно заметить, что поверхность существа — его лицо и одежда — немало рябит, как будто состоит из отдельных подвижных элементов.

Уже четвёртый год муравейник Стас работает учителем географии в средней школе №71. Поначалу ученики подозрительно всматривались в него, принимали к исходящему от него характерному лесному душку. Посмеивались над тихим, свистящим голосом. Затем порешили, что Стас Олегович — конечно, алкаш, но мужик безобидный.

Муравейник не спорит. Он такой и есть.

РЕГЕНЕРАТ

Лет в двенадцать Павел сделал открытие, перевернувшее всю его жизнь. Играя с друзьями на ближней стройке, он замешкался и не успел метнуть подальше бутылку из-под шампанского, начинённую карбидом. Промедление стоило Павлу четырёх пальцев. Единственный плюс внезапной инвалидности — школа забыта на два месяца. Павел слонялся по двору с перебинтованной рукой, чувствуя себя героем и ветераном, ловя завистливые взгляды приятелей.

Халява закончилась внезапно и странно. Через две недели оторванные пальцы отросли. С ровными и гладкими ногтями. С первозданно-чистой кожей. Хирург в поликлинике оторопело разводил руками и мямлил что-то про «впервые в практике», про «известные случаи спонтанной регенерации». А мама просто поставила толстую свечку в ближайшей церквушке.

Павел сообщил одноклассникам, что пальцы ему пришили, а сам стал экспериментировать с собственным телом. Результаты оказались волнующими. Мелкие повреждения зарастали на Павлике сразу, а более серьёзные увечья, на которые решился экспериментатор, самоликвидировались за один-два дня.

У Павла вырос выбитый в драке зуб. Исчез старый шрам над бровью. Выпрямилась носовая перегородка. Павел стал абсолютно здоровым человеком.

Первую почку Павел продал в восемнадцать лет. Начало девяностых. Гиперинфляция. За ценный орган Павлу отвалили целых семьсот долларов. Он был счастлив. Послеоперационные боли не значили ничего по сравнению с такими деньжищами. Новая почка отросла, если верить УЗИ, за четыре дня. Павел осознал, что наткнулся на золотую жилу.

За следующие пять лет он пристроил сто сорок восемь почек, двадцать три печени (их брали неохотно), четырнадцать глаз, семьдесят яичек, килограммов пятьдесят костного мозга и кучу всего по мелочи.

Павел мотался по планете, везде сея своё кровное добро. Иногда работал на религиозные организации, демонстрируя чудеса исцеления.

Его органы регенерировали всё с большей скоростью. Уже в начале нового тысячелетия Павел решился на продажу сердца, попросив кардиологов поддержать его пару часов на искусственном кровообращении. Всё прошло гладко.

Природное любопытство мешало Павлу остановиться на достигнутом и спокойно разбазаривать свои почки и сердца. Его теперь волновал только один, самый главный и мешающий тихо наслаждаться жизнью, вопрос: перенесёт ли он декапитацию? Отрастёт ли новое тело у его любознательной головы? И дело было уже не в деньгах.

Теперь Павлов двое — у ампутированной головы отросло тело, а у обезглавленного тела — новая голова.

Павлы чувствуют себя хорошо. Живут уединённо и тихо. Принимают заказы.

РОЛЕВИК

Толик живёт ролевыми играми. Он — норвежец из девятого века. Ему семнадцать лет, и он сам выковал свой меч и кольчугу. Шлем, добрый щит и тяжёлый боевой топор Толик добыл в честном бою на опушке лесопарка «Сосновка». Ещё в девятом классе. Это была славная битва. Толик разрубил пополам Рыжего Гисли с проспекта Просвещения, раздробил черепа двум его воинам, взял немало кож и мехов за пленников, оставив себе лишь четырёх рабынь и трёх здоровых мужчин для домашних дел и помощи в кузне.

Двенадцативёсельный драккар Толик строит к весне и спускает его на воду на острове Кереть, что в Белом море. Ходкая лодья с крепкими гребцами-дружинниками, пришедшими к Торвальду из Гатчины, всё лето наводит ужас на окрестные земли,

населённые бухими карелами, сезонниками, бичами и студентами с биофака.

Торвальд ходит от Кандалакши до Соловца, и никто не может противостоять ему в яростной схватке. К осени он нарывается на объединённые силы пограничников и рыбнадзора. В битве Торвальд получает пулю в грудь и готовится встретить валькирий. Дружина рассыпается по карельским лесам. Драккар сгорает дотла.

Торвальд, опираясь на ясеневое копьё, шагает в Питер.

Гейм Овер.

ЛОГОТИП

Гоша работает арт-директором в солидном, интенсивно разбухающем сетевом рекламном агентстве. Крупные клиенты, с мировыми амбициями и прошлым по щиколотку в крови, выстраиваются в суетливую, записывающую номерки на потных ладонках, очередь. Немодное словечко «креатив» брызжет из каждого пикселя, произведённого в кабинетах Гошиной конторы. У Гоши всё в порядке, но ему не хватает того, что прыщавые виртуальные питекантропы называют самореализацией. Гоша никак не может нащупать своего миккимауса. Физиономия личного грызуна — носителя смысла и оправдателя Гошиного существования — слишком размыта. Она никак не вытанцовывается, потерявшись где-то в недрах уютной хатки неподалёку от Невского, и ехидно подмигивает из мелодично урчащей глубины плотно сбитого движка Гошиного «Порша».

Гоша, несмотря на внешнюю сытость — требователен к себе. Он мечтает о фразе фраз, книге книг и знаке знаков. То, что те же прыщавые музозвоны окрестили логотипом, для Гоши не пустые чёрточки в двух измерениях. Гоша ищет Истину.

И находит её сразу после майских праздников. Солнечное холодное утро среды приносит из пучин похмелья несколько неожиданных идей, синхронизирующих вселенную.

Если проще, Гоша рисует эмблему для Международного Контент-Банка города Москвы. Довольный собой, он показывает эскизы опытному другу. Тот долго мнёт в руках распечатку, вертит листок бумаги в костистых пальцах, переворачивая его, по своему обыкновению, вверх тормашками.

Затем, без видимого перехода, пронзительно кричит и валится вбок, ударяясь скулой о дверцу холодильника. Гоша в недоумении. Он, безусловно, горд произведённым эффектом, но сильно волнуется за психическое здоровье друга. Гошиного приятеля, ритмично пульсируя синими огнями, увозит элегантный реанимобиль.

Заказчик, лысеющий вице-президент банка, отложив в сторону эмблему, в которую он пристально всматривался последние двадцать минут, шагает в сторону сейфа. Звонит компаньонам.

— Что-то в нём не то... — ровным бесстрастным голосом произносит подъехавший вскоре Хозяин, заталкивая в Гошину сумку тугие пачки евро.

Семьдесят ходок домой и обратно, мимо недоумевающей охраны. Четыреста пятьдесят миллионов — цена изделия. Хозяин, сомнамбулически помаргивая, умоляет принять больше. Гоша растерян. Он вовсе не думает, что продешевил.

БАНАНОВОЗ

Антон любит отдыхать в необычных местах. Там, где ещё не всё истоптано туристами. На этот раз он автостопом добирается до Вьетнама. Это, оказывается, непросто — ржавые переполненные автобусы, плетущиеся без всякого расписания по Пакистану, индийские чумные деревушки, украшенные дремлющими буйволами, неистовыми обезьянами и сползающими в ручьи кучами слоновьего навоза... Какие-то кхмеры, которых Антон так и не увидел, но наслушался, насколько они красные и жестокие. Бирманские монастыри, населённые злыми монахами.

Вьетнам Антона не впечатляет. Он ожидал иных ощущений. Джунгли оказались почему-то какими-то советскими и скудными, буддийские наставники — жадными и хитрожопыми, прочие местные жители — вороватыми.

Антон, потолкавшись по влажной тропической глухомани, двигает дальше — устраивается матросом на судно, идущее в сторону Филиппин.

Оказавшись в Маниле, Антон понимает, что и здесь всё не то. Как-то не так, как хотелось бы.

В обратный путь Антон отправляется на банановозе. Ещё в Москве опытные друзья сообщили ему, что банановоз — это супер. Почти бесплатно. Много места. Вопрос с едой вообще не стоит. Естественно, для непряхотливого человека.

Огромное судно, под завязку набитое зелёными и крепкими бананами, не спеша ползёт в Европу. Бананы оказываются несъедобными. Команда сильно пьёт и нюхает кокаин. Похоже, что матросы тоже ничего не едят. С Антоном они общаются неохотно и брезгливо.

Скоро выясняется, что в фильме про пиратов двадцатого века всё — правда. Как-то утром, дня через четыре после отплытия, Антон просыпается от громких выстрелов из автоматического оружия, истошных криков и стонов. Выбирается на палубу. На корабле уже ни души — ни своих, ни чужих. Несколько больших луж крови между огромными ржавыми контейнерами — и всё.

Антон остаётся один. Двигатель раскурочен взрывом. Связь не работает. Одна радость — в трюме скопилось много пресной грязной воды.

Банановоз дрейфует. Антон немного дрейфит.

Скоро он обнаруживает, что бананы можно жарить на солёнке. Ещё в огромных гроздьях — масса побочной фауны — вкуснейшие змеи, отменные ящерицы, куча деликатесных насекомых. И это не считая самого чудесного — крыс.

Из бананов получается гадкая, но эффективная бражка. Пауки с каждым днём всё вкуснее и ароматнее. Живот почти не пучит. Грызунов — завались.

Антон снимают с банановоза через три месяца. Посреди Тихого океана. Он абсолютно счастлив. Трип удался.

Саша летом живёт на даче под Всеволожском. Маленький домик с крохотным участком зажат футуристическими виллами соседей. Саша ковыряется в огороде — ему, в соответствии с притчей про дом, дерево и сына, хочется непременно выкопать колодец своими руками. Углубившись в трудный грунт, он натывается на что-то металлическое. Начинает копать в стороны и через некоторое время убеждается, что этот покрытый глиной ноздреватый металл простирается далеко во все стороны. Саша страшно заинтригован. Он расширяет площадь раскопок и скоро определяет размер этой непонятной «херовины»: правильный шар, метров двенадцати в диаметре.

Через неделю Саша очередной раз спускается в свою яму, вооружённый ножовкой, зубилом и напильником. Выясняет, что шар состоит из чистого золота. Дрожащими от возбуждения мозгами пытается высчитать вес находки. А затем и стоимость. Обливаясь холодным потом, путает миллионы с миллиардами, но даже по самым скромным прикидкам сумма переваливает за десятку с девятью нулями.

Саша тащит маленький кусочек ювелиру. Тот подтверждает: «Да, золото, причём химически чистое». Предполагает, что Саша стоматолог.

Саша чувствует, что его жизнь круто повернула в сторону удачи. Теперь он не просто богат, а как-то неестественно, нечеловечески... Мысли в этом направлении заводят его в тупик — продавать золото по частям — опасно и весьма криминально. Предложить находку государству? Его легче убить, чем расплавиться. Абрамовичу? У того денег не хватит. Да и уверенности в том, что тот настолько порядочен, что не предпочтёт государственное решение проблемы — тоже нет. Все варианты подозрительно соседствуют с моргом.

Саша пребывает в муках. Сидеть на куске золота сильно за тысячу тонн и кромсать всю жизнь жалкие кусочки?! А вдруг выследят? И опять же убьют.

Саша никому не рассказывает про находку. Даже жене, с которой у него вполне доверительные отношения. Её просто не влечёт дачная жизнь.

Остаётся основной и самый мучительный вопрос — что же это за хрень и откуда она здесь взялась? У Саши, конечно, есть версия — он сильно подозревает, что это — метеорит.

Тяжёлые смутные чувства мешают Саше спокойно обдумать ситуацию. Он слушает ночами надсадный лай соседских волкодавов, которым тоже с некоторого времени, не спится.

Саша нанимает старичка-сторожа. С двустволкой тот ходит вдоль забора, не понимая — что или кого он охраняет.

Дальше — всё банально. Саша окончательно теряет покой и сон. Ночью, само собой, ходит к своему метеориту и прижимается всем телом к его холодному боку. Естественно, разговаривает с ним часами. Окапывает со всех сторон, сверлит дырки, разбираясь — весь ли он из золота или только на поверхности.

Дачники, проходящие мимо Сашиного забора со своими тележками, выглядят неслучайными и очень подозрительными. Саша провожает их тревожным взглядом. Почему их так много?! Почему соседи-барыги так вежливо здороваются?! И этот постоянный лай! А ЕМУ так нужен покой! ОН чего-то ждёт — просто Саша ещё не понял — чего.

«Нет, Сергей Палыч, вот, хоть вы и адвокат, а тоже не можете мне поверить — я же не говорю, что принёс их всех в жертву. Мне просто очень нужна была кровь! Даже не мне — ЕМУ! Что? А я, думаете, знаю??? Одиннадцать человек? Ужас! Я же не считал...»

Саша сидит. Метеорит так и не нашли.

ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ СНЕЖНАЯ СКАЗКА

Сашу растит отец. Свою маму она видит только на многочисленных фотографиях и пастелях, покрывающих стены просторной квартиры. Отец уверяет Сашу, что мамы нередко бросают своих детей — особенно в такой стране и в такое время. Но ничего — он держится — и справляется неплохо. У Саши есть всё.

Саша — ребёнок из тех, кого педагоги называют проблемными. Хотя, впрочем — какой она ребёнок?! Пятнадцатилетняя подвижная девушка, со своими большими тараканами и маленькими трагедиями. Она очень, очень некрасива. Плотное сбитое, мускулистое тело, длинные руки с выпуклыми толстыми ногтями... Лицо, будто сколоченное из массивных плит — низкий лоб, глубоко посаженные, маленькие и угрюмые глаза.

Но не в этих, крайне неприятных для девушки внешних деталях, её проблемы — её, сколько она себя помнит, всё время правят. Выправляют. Доделывают. Сначала — ступни — у ортопедов. Затем — сколиоз. Гортань. Излишнее, на взгляд врачей и отца, оволосение. Прикус. Длину ног. Нос. Единственное, к чему у Сашиного отца нет никаких претензий — острый, всеядный ум дочери. Но — законченный перфекционист не может остановиться. Родительская любовь играет с Сашей злую шутку.

Саша мечтает о побеге. Ей снятся горы, глухие таёжные дебри и бесконечные равнины. Она страдает летом и обожает снег, мороз и метели. В эти ненастные, хмуро-петербургские дни ей хочется выть от восторга и ощущения полноты жизни.

В один из таких тягучих зимних вечеров отец приходит домой сильно нетрезвый, дыша дорогим коньяком прямо в Сашины чуткие ноздри. Он, покачиваясь, стоит перед дочерью, растерянно сморкаясь в скомканный платок, и, сглатывая слова вперемешку со слезами, пытается объяснить:

— Милая, я так виноват перед тобой, снежинка моя!...

Из длинной, спутанной речи Саша узнаёт, что почти пятнадцать лет назад её отец охотился в горах Алтая со своими

друзьями — местными партейцами. Он, отличный стрелок и опытный охотник, стреляет в горного козла. Подойдя к туше убитого животного, обнаруживает лежащего на камнях... Как бы точнее объяснить... В общем, ну, типа — снежного человека. Ну, короче, самку. А рядом — маленький оскаленный детёныш... Вся шерстка дыбом...

Метель — в самом разгаре. Мороз — минус двадцать. Саша бежит по снежной целине, уже миновав Пулковские высоты. Время от времени, когда усталость берёт своё, она включает в бег руки.

Отец настолько пропитался коньяком, что оказался практически несъедобен.

КУКОЛКА

В день своего тридцатисемилетия Антон получает несколько приятных и неожиданных подарков, которые ощутимо скрашивают эту в общем-то безрадостную дату. Смешные часы, морской аквариум с естественным биотопом островов Тонга (если, конечно, Антон правильно всё запомнил), самшитовый стилус для наладонника и электрическую зубную щётку. Но самым интересным оказывается презент от лучшего друга — невероятных размеров ореховый комод. Вещь антикварная и древняя, с наборным мальгйским крестом на столешнице. Куча мелких медных деталек, резьба, всё такое. Короче — вещь!

Антон всегда мечтал водрузить в своей квартире что-то подобное — с историей. Намекающее на цепь загадочных предков. Что с того, что последние сто лет комод сырел на фамильной даче друга?! Всё это великолепие, безусловно, нуждается в реставрации, но Антон всё равно счастлив.

Он начинает неторопливо и аккуратно заполнять комод своими вещами, тщательно отбирая только самое дорогое

сердцу. По очереди выдвигает маленькие и большие ящички, обитые изнутри лиловым бархатом.

В одном из потайных закоулков он натывается на небольшую тряпичную куколку, завалившуюся в самый дальний отсек. Куколка изображает миниатюрного мужчинку в двубортном синем костюмчике. У Антона в шкафу висит точно такой же Хуго Босс. На голове у неё наклеены волосики. Имеется и крохотная бородка. Антон, непроизвольно почёсывая своё элегантно триммингованное лицевое украшение, разглядывает тонкие золотые иголки, воткнутые в куколку. Иглы очень похожи на те — китайские, при помощи которых его избавляли от пристрастия к табаку. Только — те были из стали...

Антон аккуратно извлекает иглы и складывает их в отдельный пакетик. Через пару дней он встречается с другом — у них общий бизнес. Друг, внимательно глядя Антону в глаза, как бы невзначай интересуется — не находил ли тот чего в комодке. Антон, делая рассеянное, но кристальное лицо, врёт, что там ничего не лежало...

У Антона почему-то пропадает бессонница, заметно уменьшается близорукость и бесследно исчезает паховая грыжа. Он забывает про свои жуткие головные боли и проблемный мениск. А то, что происходит с ним в сексуальном плане — вообще неопишуемо. Антон неудержим и активен, как никогда.

Антонов друг с каждым днём становится всё более рассеянным и мрачным. Наконец он не выдерживает:

— Человечка ты, конечно, уже нашёл...

— ???

— Ладно-ладно, не отвирайся — он у тебя... Пойми, это всё — не то, что ты думаешь. Ну, я имею в виду — всё совсем в другом смысле... Короче — это ерунда! Дети баловались... Я, короче, не знал... В смысле — знал, но не то, что ты подумал... Суеверия это всё... Ты что — шуток не понимаешь?!... Давай — без обид... Лады?

Антон — не мститель. Ему, впервые за многие годы, очень хорошо.

ГРИБ

Филипп выращивает бонсаи. На кухонном подоконнике он расположил уродливую и прекрасную вишню, будто бы надломленную диким японским ураганом. На балконе — любимица — толстенькая суковатая сосна. Несколько пучков иголок, загадочное дупло. Всё это чудо — сантиметров сорок в высоту. Ещё имеется дубок и ёлочка, только готовящиеся стать полноценными карликами.

Своих питомцев Филипп собирает по всей стране. Нередкие командировки способствуют поискам. Нефтяные дела требуют периодического присутствия в богом забытых уголках, где заросший след вездехода — вершина цивилизации.

На маленькой эвенкийской заимке, пережёвывая крупного рябца, Филипп давит пол-литра гидрашки в обществе старого колоритного охотника. Потирая обмороженную в молодости ногу, глубоко затягиваясь крупным самосадом и ласково жмурясь морщинистым лицом, охотник неторопливо пересказывает Филиппу старую легенду. Крупные вязкие дробины чувствительно вворачиваются в коренные зубы. Ковыряясь пьяными пальцами во рту, Филипп узнает, что эвенки, сами равнодушные к грибам, верят — есть такой головной гриб, главный гриб во всех землях. Съев его сразу после того, как он покажется из земли, можно приобрести власть над людьми, которые хоть раз в жизни употребляли какие-либо грибы в пищу. Вся проблема в том, как его, этот головной гриб, найти. А вырастает он «на лишней земле», в «лишнее время», под «лишним деревом». Что все эти дела значат, эвенк не представляет, но:

— Ты не бзди, паря — его ни с чем не спутаешь!

Бухой Филипп, возвращаясь на базу и заблевав весь вертолёт, забывает про странную байку начисто.

Как-то раз, ранним утром двадцать девятого февраля, он обнаруживает в кадке с сосной-бонсаи небольшую шляпку белёсого, невнятного оттенка.

В филипповой памяти всплывает раскосое лицо охотника. Повинуясь смутному наитию, Филипп выковыривает прозрачный склизкий грибок поганочной внешности и съедает его.

Бесконечная неделя чудовищных видений и бреда. Неделя дрожи и страхов, слюны, соплей и слёз.

Наверное, это был не самый головной грибок... Ничего особенного не происходит.

Филипп сдаёт очередной проект. Начальник просматривает распечатку и, вскинув брови, изрекает:

— Да ты, чувачок, гений! Харэ торчать на этой должности — она для дебилов. Будешь моим заместителем...

Через неделю Филипп — заместитель. Через год — всё ещё заместитель, но уже министра отрасли. Дальше — больше. Кандидат. Депутат. Министр. Лидер лидирующей фракции.

Рассказывают, Путин тоже любит грибы.

ПИЛОТ

С Витей всегда интересно. Друзья млеют от его рассказов. Он умеет сочно преподнести свои зыбкие, не имеющие отношения к естественной жизни, интересы и пристрастия. Исключением является разве что витина жена. Люба с отвращением относится к осознанным сновидениям, даосским практикам, ребёфингу и прочей, как она выражается, «фиолетовой хуйне». Её дико раздражает то, что Витя год за годом всё глубже уходит в такое заоблачное дао, что, похоже, уже забывает подтираться. Люба тоже прошла через «всю эту муть», но вынырнула с относительно целой башней. Глядя по утрам на мужа, глубоко дышащего нечистым воздухом Пороховых, она, тихонько матерясь, яростно пихает кашу в уворачивающийся рот полуторагодовалого сына. С определённых пор Витя, по-новому взглянув на своего отпрыска, осознаёт, что с его рождением он потерял живое остриё самосущности. Размазал цельное намерение мужчины по длинной

цепочке предков-потомков, став одним из звеньев. Пути назад нет, но ход Витиной мысли витиеват — он перестаёт кончать во время супружеской близости. Бережёт драгоценный запас. Золотой фонд. А затем отказывается и от самой близости. Тем более, что его дыхательные дела становятся всё более оргастичными.

Но речь-то, в общем-то, совсем не об этом. Витя давно ведёт дневник снов. Он полагает, что подробные записи помогают ему чаще входить в осознанные сновидения. Наверное, так оно и есть — Витя часто управляет тем, что происходит ТАМ, пока его тело валяется между женой и стенкой. Больше всего ему нравятся полёты. Витя парит над древними городами, пикирует на испуганных крестьян, делает мёртвые петли над неземными океанами. Тот драйв, в котором он, внешне невозмутимый и вялый, пребывает от сна до сна, Витя хранит в секрете даже от друзей. Боясь спугнуть своего личного демона.

Всё самое интересное происходит с Витей как-то слишком буднично. Два часа ночи. Витя, не открывая глаз, встаёт с кровати и спокойно, легко шагая, движется на кухню. В целом он сильно смахивает на классического лунатика из старых французских кинокомедий. Продолжая сонно причмокивать, подходит к кухонному окну, решительно пододвигает табуретку, открывает стеклопакет и быстро прыгает с шестнадцатого этажа.

Через минуту он просыпается от холода. Лёжа на обледенелом асфальте, в двух метрах от помойки.

Загадочно улыбаясь, голый, продрогший Витя едет домой на лифте. Звонит в дверь. Жена открывает её, сипло и монотонно выговариваясь спросонок:

— Совсем ебанулся, даос хренов...

С Витино лица не сходит мечтательная улыбка. Он, кажется, снова нашарил своё остриё.

ХРЕНОТЕНЬ

Глянцевый журналист Тёма Ефимов заходит с другом в розливуху неподалёку от «Академической» — опрокинуть по паре рюмок. Как известно, водочка иногда дивно идёт под засохший бутерброд из чёрного хлеба с парой немолодых пряных килек, небрежно накинутах сверху. Громкие разговоры раскрасневшихся мужичков, гортанные возгласы кавказцев, отчитывающих усталую буфетчицу, глухое постукивание стаканов — во всём этом есть духовитый советский шарм, отправляющий Тёму прямиком в юность.

Друг быстро прощается и убегает по какому-то срочному дельцу. Тёма жуёт сосиску, опасливо поглядывая на здоровенного рыжего парня, привалившегося спиной к его столику. Рыжий привычно накидывается дешёвым коньяком, не забывая методично икать уже в течение получаса. Коньяк он запикает томатным соком.

Словно почувствовав чужой изучающий взгляд на своём затылке, рыжий всем телом разворачивается к Тёме, накрывает его кулачок огромной волосатой рукой и быстро, невнятно выговаривает сквозь икоту:

— Бутылку поставишь — нап-И-ишу тебе ре-И-альный... короче — поэму! Охуеешь! И-или, блядь, повесть какую-н-И-ибудь... Я тебе скажу — это будет вещь!

Тёма осторожно убирает свою руку под стол:

— Спасибо, не надо...

— Да ты, блядь, не понимаешь — реально выдаю т-И-ебе шедевр! Типа, какой-нить там бродский, блядь, мандельштам, только круче в миллион раз! Или — проза там... не знаю...

Рожка у мужика страшная, но почему-то видно, что совсем неопасная. Тёма не без ехидства цедит:

— А сам чего не печатаешься?

— Хуй знает... Времени нет. Они, гниды, на меня смотрят и свои ноутбуки с мобильниками сразу подальше задвигают. Это — если, блядь, секретарша ещё пропустит...

— А сейчас чего-нибудь есть? С собой?

Рыжий распахивает заношенный маслянистый кожан и достаёт из-за пазухи мягкую подшивочку машинописных листов:

— Вот, блядь! Повесть! Вчера навалял... «Хренотень», называется. По-моему, блядь, супер!

Тёма, особенно не вчитываясь, брезгливо вертит в пальцах «вещь». Даже не пытаясь понять написанного, он подходит к стойке и покупает три бутылки почти бесплатной конины. Сделка состоялась.

Утром, по дороге в редакцию, Тёма стоит в бесконечной пробке. Проглядывает давешнюю рукопись. И, неожиданно для себя, понимает, что всё не так уж однозначно. «Хренотень», мягко говоря, впечатляет.

Через полтора года Тёму чествуют в знаменитом столичном издательстве «Тaurus». Его свежеизданная книга бьёт все рекорды. Она выдвинута и номинирована. Не переведена разве что на язык телугу. От Тёмы ожидают не менее блистательного продолжения. Но рыжий, раза три снабдив его своими творениями и получив в последний раз ящик коньяку, куда-то запропал.

Владелица издательства, невероятной красоты баба, подводит Тёму к статному мужчине в великолепном костюме. Тёма, мертвея от ужаса, узнаёт в нём своего рыжего синяка. Правда, сейчас он — высокомерный блондин с лукавым прищуром.

— Знакомьтесь! Мой муж, Георгий. Артемий, только вообразите — моему Жорику мало его никелевых заводов, нефтедобычи и пакистанского контракта на авианосец — он только что заявил мне, что тоже неплохо пишет! Ну, Артемий! Ну, скажите ему, что деньги — это одно, а гений творчества, божья искра — совсем другая, простите за неловкий каламбур, хренотень!

СЛОН

Психотерапевт Пётр Семёнович Гнедук уже десятый год совершенствует довольно известную, весьма старую, но до сих пор малоизученную систему терапии. Петра Семёновича интересуют разнообразные аспекты позитивных воздействий, формирующихся во время общения с животными. Очень занимает влияние живых тварей на психику клиентов. К своим животворным техникам он пришёл закономерно. Ещё во втором классе школы Петя прочитал знаменитый рассказ Куприна о добром докторе, который вылечил девочку при помощи слона. В тот момент, когда другие дети мечтательно закатывают глаза: «Вот и мне бы тоже своего собственного слона...» — Петя твёрдо решил стать доктором. Не наук, а просто — хорошим, добрым врачом.

И вот — есть теоретическая база, есть солидная практика, есть ученики и последователи, есть собственная клиника. Похожая на небольшой, очень современный и комфортабельный зоопарк. Над остеклённым входом скромная табличка: «Аниматерапия по методу П. С. Гнедука». Корявое «анимало» Пётр Семёнович сократил, делая упор на душу. Звуконепроницаемые стёкла вольеров позволяют Гнедуку спокойно пить крепчайший арабский кофе и курить кальян в тиши просторного кабинета, размышляя над сложными моментами своей благородной деятельности.

Истошные вопли лемурув, волчий вой, резкое бляенье овец, ругань макак — всё это остаётся там, внутри.

Пациенты... пардон — клиенты Гнедука — люди крайне серьёзные. Почти всем им гарантируется полнейшая анонимность лечения. Курс терапии — отнюдь не дешёв, но клиенты, наслышанные об эффективности методик, идут на эти расходы с лёгким сердцем и тяжёлым кошельком.

Опыт Петра Семёновича — уникален. Ему вполне хватает часовой беседы с клиентом — для того, чтобы определить, выявить суть проблемы и решить, какое животное оптимально поможет в данном случае.

Вот, помнится, Мадонна... Хотя... там всё было вполне обычно. Клинтон? Дерипаска? Забавно, что тот лучше всего пошёл на сумчатом тасманийском дьяволе. Сначала была мысль о карликовом бегемоте, но аллергологические пробы были не в пользу толстокожего. Дьявол же отработал на все сто. А эта дурацкая история с Филом Коллинзом и сетчатым питоном! Ведь — еле откачали! А Ростропович?! С квакшами... Никогда заранее не поймёшь... Каждому — своё.

Кто бы мог подумать, что история сделает полный круг! Вчера нагрянула охрана. Вещь нормальная. Пётр Семёнович к таким предосторожностям относится с пониманием. А через полчаса — пожаловал сам...

В. В. выглядел несколько смущённым. Гнедук быстро его разговорил. Дело, пусть и неординарное, но — се ля ви... И что же мы имеем? Бывает же! Слон.

ХОЧУ ВСЁ ЗНАТЬ

Много лет назад, ещё совсем маленьким мальчиком, Митя радостно открывает в себе интересную штуку. Оказывается, для того, чтобы узнать что-либо о чём-либо, ему не нужно листать книжки, спрашивать у мамы, приставать со своими ребяческими делами к старшей сестре — он просто смотрит на сложный узор обоев — и оно приходит само. Все ответы проявляются между лилий и ягодок, как готовая инструкция в картинках. Это открытие Митю ни капельки не удивляет — он просто решает, что так оно и должно быть. Что это один из верных признаков — он становится большим.

Уже заканчивая Лесопилку, Митя вычитывает в одной интересной книжке, что «вся информация о вселенной содержится в каждой точке пространства». Вся проблема в том, как её добыть. Автор книжки рекомендует «брать то, что приходит». Митя страшно удивляется, что кому-то это приходится

объяснять. Что у других людей это — не так. Он-то пользуется «тем, что приходит» всю свою сознательную жизнь.

При всём этом Митина способность получать знание несколько не помогает ему в учёбе — разве что совсем немного. Добытые сведения никак не интерпретированы. Казалось бы — что может быть проще — увидеть в меловых разводах доски пару несложных формул?! Но в митиной голове, по обыкновению, всплывает странный вихрь из такого количества составляющих, что становится понятно — он только что, в очередной раз, осознал, как устроено всё. Но — ни одной «силы, умноженной на квадратный корень из расстояния, делённого на плотность»! То же самое — с общением. Митя знает кучу подробностей строения, функционирования, личной жизни и мыслей своих одногруппниц... Пожалуй, лучше было бы ничего не понимать вовсе. С друзьями, опять же, как-то не срастается.

Митины навыки не остаются незамеченными. Он получает приглашение посетить неприметный офис в небольшом, стоящем на отшибе, бизнес-центре. Там с него берут подписку о неразглашении, а затем прямо и без предисловий вербуют. В органы. И не просто в органы, а в самые главные, рядом с которыми ФСБ кажется игрой в дочки-матери. Зарницей. Весёлыми стартами. Зарплата космическая. Социальный пакет. Нет, скорее — мешок. Митя думает недолго — он согласен.

Его профессиональные обязанности несколько размыты. Он заведует отделением «сканирования Центральной Африки». К нему в маленький кабинетик время от времени заходит стриженный ёжиком седой полковник и сухо, коротко приказывает:

— Приготовьте к семи отчёт о Мбото Умаи-Маэ Свамбеси... Два-три машинописных листа. Фокусируйтесь на его, так сказать, мечтах в течение последних двух недель.

Митя впервые слышит это имя, но одновременно с приказами полковника начинает «качать». Он уже знает всю подноготную незнакомого доселе Умаи-Маэ. Неприятную, гнилую подноготную...

— О'кей, шеф! — не слишком по уставу, расслабленно отвечает Митя.

Иногда ему выписывают премию. Это означает, что митины данные подтвердились и принесли свои плоды.

Через три месяца Митю переводят «на внутренние дела». Секретность нарастает. Его перестают выпускать из офиса. Затем, после доклада о планах премьера, перевозят в трёхэтажный дом где-то под Иркутском. Гиперкомфортабельный дом с бассейном и оранжереей. За пределы территории Митю не выпускают.

Работы становится всё больше. Свободы не остаётся вовсе. Даже охранники — и те донимают своими вечными лотерейными билетами и изменяющими жёнами.

Наконец, поднятый, как обычно, среди ночи, Митя срывается:

— Не знаю и знать не хочу!!! Я вам, блядь, кто здесь?!! Робот?!! Ебанулись совсем на своих депутатах?!!

Седой полковник делает неуловимое движение, и Митин лоб натягивается под холодным дулом пистолета:

— Всё ты уже знаешь, Дмитрий! В этом-то вся проблема! И я хочу всё знать! Сработаемся?

ЭЛЬФ

В самом начале девяностых Рома Тихонин лоб в лоб сталкивается с непростой дилеммой — либо бухать дальше, как обычно — каждый день, с периодическими запоями, либо каким-то образом завязывать. Третий вариант — со снижением дозы и постепенным выходом — уже не канает. Рома ложится в стационар. Результат после выписки — нулевой. Подшивается. С тем же эффектом. Мама отправляет Рому на сеанс кодирования к невероятно знаменитому Колобродову. Таинство происходит в тёмном кинотеатре на проспекте Просвещения. В зале — человек двести. Взглядами стараются не сталкиваться. Мрачный и большой Колобродов выходит на сцену в толстом свитере. Начинает задвигать тягучую телегу про кошмары алкоголизма и свет трезвой жизни. Слушатели привычно закатывают глаза и начинают раскачивать башками. Наиболее активные рыдают и сморкаются.

Рома смотрит на весь этот шабаш с нарастающим удивлением. Сеанс заканчивается внезапно и буднично. Как-то — слишком по-деловому. Колобродов приглашает всех желающих записаться на индивидуальные занятия. Рома черкает свою фамилию на листке.

«Тет-а-тет» с Колобродовым ужасен. Рома, не успев присесть в кресло, проваливается в какую-то жуткую тьму. Болезненные удары по лицу. Удушье. Громовой голос сообщает, что он «будет жить тысячу лет», а затем предлагает представить свою будущую длинную трезвую жизнь.

Рома почему-то воображает себя эльфом (в это время он как раз продирается через Толкина). Больше он ничего не помнит.

Следующее утро. Рома приходит в себя. Он — другой, но ещё не очень соображает, почему. Спиртное омерзительно. Жизнь — не лучше. Что делать — не ясно.

Он последовательно ликвидирует все свои старые связи и знакомства. Уезжает на Алтай. В одиночку строит себе дом. Живёт там тихо и трудно, разводя коз и ухаживая за огородиком. О том, что теперь он вроде как эльф, Рома никому не рассказывает.

Рома выглядит обычным человеком. Разве что — на нём мало отражаются прожитые годы. Ему сильно за сорок, но внешне — он такой же двадцативосьмилетний юноша.

Ранним солнечным вечером в Ромину дверь стучатся четверо мужчин. Рослые и плечистые, похожие друг на друга, как родные братья. Рома приглашает их в дом. Отвыкший от светского общения, молча поит чаем. Он сильно смущён. Гости степенно хрустят печенюшками и дуют на блюдечки.

Наконец, один из гостей — тот, который сразу показался Роме главным, неторопливо откашливается и тихо, вкрадчиво произносит:

— А вот, Роман, с чего это вы взяли, что вы — эльф?

Рома недоумённо таращится на гостя. Он густо краснеет и, заикаясь, выдавливает:

— Я-я... П-п-просто... Это... Мне...

«Старший», приподнимаясь на стуле, перебивает:

— Ты же не ролевик какой-нибудь блядский! Не толкинист говённый! Тебя заморочили, а ты и поверил! Ты что думаешь — если ты не стареешь, с собаками и козами говоришь — значит, уже и эльф?! Да ты, блядь, хоть тыщу лет проживи, а хули

к доброму народу со своими заморочками примазываться?!!! Или я не прав, а, Рома?!!

Тон «старшего» становится угрожающим и напоминает истерику блатного.

Рома тоже выходит из себя:

— А тебе-то что за дело, козёл?! Что ты на меня, сука, ка-тишь?! Валите все отсюда, пока я себя в руках держу!!! Ты-то кто такой выискался?!!

Мужик, до того молча сидевший за столом с чашкой в руках, мягко произносит:

— Урым, пойдём отсюда... Он, по-моему, всё понял. Не парься, Урым, этот, похоже, не из болтливых. Да и с чарами у него, хоть ты сдохни, всё о'кей.

«Урым» зло дёргает плечами, как бы отмахиваясь от этих слов. Но, немного подумав, делает короткое движение рукой. Гости шумно встают и, топя сапожищами, покидают Ромино жилище.

Этой же ночью Рома, впервые за пятнадцать лет, уходит в запой. И пить ему для этого вовсе не нужно.

КЛАДЕНЕЦ

Новосибирский археолог Максим второй год копает курган неподалёку от Белгорода. Натывается на костяки полусотни лошадей. Кусочки сбруи, рассыпанные повсюду зубы. Под толстым слоем конских останков — мощная каменная плита с кри-вовато высеченными знаками и рисунками.

Максима потряхивает от предвкушения сенсации — захоро-нение явно не разграбленное. Целёхонькое, как закупоренная бутылка шампанского. Очень хочется собрать прессуху, подна-гнуть журналистов. BBC, CNN, EuropeNews... или как его? Что там ещё нужно для триумфа?

Но чутьё специалиста подсказывает — спешить не стоит, нормальной видеокамеры в собственных руках пока достаточно. А сейчас — не грех и выпить.

Первое, что видит Максим утром, выходя из палатки — несколько фур телевизионщиков, стоящих вдалеке. Вокруг них суетятся рабочие, вытаскивая прожектора, разматывая кабели и прочую специальную дребедень. Кто-то из своих всё же стукнул! Козлы! Не на кого положиться! Все хотят побыстрее урвать кусочек причитающейся им славы... Ну да хрен с ними! Работать пора! Вскрытие покажет.

Плиту аккуратноенько домкратят. Внутри каменного мешка под ней — абсолютно пусто. Нет! Кое-что всё-таки имеется! В углублении на полу, чуть присыпанный мелкой пылью, лежит солидных размеров меч. Прямое, массивное, богато украшенное оружие в прекрасном, потрясающем состоянии!

Максим аккуратно берётся за рукоять меча и в ту же секунду понимает, что он — Воин Белого Сердца. Избранный Судьбой, дабы Вещим Железом править чёрные души и кровавым подвигом своим наставлять слабых, но взыскующих Правды. И не беда, что Правда ещё далеко, а пока, кругом — и Максим это видит, как на ладони — псы и пёсы слуги.

Озарённый софитами, чуть щурясь от яркого света, Максим выходит из подземелья, сжимая в могучей руке Белое Оружие Великого Страх. Журналисты аплодируют, суетливо расчехляя микрофоны.

— Псы! Все — псы! Никто здесь не ищет главного! — шепчет Максим, поудобней перехватывая меч.

Четыре группы захвата. Семьдесят настоящих профессионалов, включая снайперов. Живым не ушёл никто.

По косвенным, Максим направляется в сторону столицы.

ВИЗИТКА

Валера давно занимается изучением языка и культуры племени иили, проживающего в дельте Амазонки. Он — уникальный в своём роде специалист. Всё племя — человек шестьдесят. Валера — единственный белый, которого они видели.

Девять месяцев в году Валера проводит в сельве, таскаясь с индейцами на охоту и трясясь от малярии, остальное время — гонит паразитов и отъездает в Питере. Попутно составляя словарь и систематизируя записи.

В последний заезд, наконец-то, удаётся по-нормальному подкатить к грозно-миниатюрному вождю. Валера дарит ему цифровик и бутылку водки. Вождь, он же — шаман, до того — очень скрытный, неожиданно разговаривается. Валеру больше всего интересует, как вождь умудряется с такой лёгкостью ковыряться в мыслях своих подчинённых. Как они, находясь далеко друг от друга, столь слаженно действуют?

Вождь долго бубнит про духов воды и предков великой змеи, которые просеивают небо через сито его головы. Валера аккуратно работает с диктофоном и ждёт, когда вождь перейдёт к более практическим объяснениям.

Всё выглядит так: индейцы племени иили замыкаются на вождя, как на сервер. Он может руководить ими на любом расстоянии. Они воспринимают его приказы естественно, считая их своими мыслями.

— Для этого нужны маленькие дары, — шепчет вождь, прищёлкивая языком на глаголах.

— Какие ещё дары?

— Одинаковые предметы от твоего сердца...

Валера возвращается в Питер. Он сдержан и молчалив. В его кармане — маленькие дары — собственные визитки, обработанные вождём. Немного — всего десять. Надо распорядиться ими правильно.

Абрамович. Дерипаска. ВВП. Кое-кто ещё.

Первый миллиард долларов падает на валерин счёт через неделю. Но самое интересное — впереди.